

10.8. Бюрократия

Когда численность носителей определённой культуры преодолевает то пороговое значение, в пределах которого «все знают всех», и при этом общество сталкивается с проблемами, которые затрагивают всех в преемственности поколений и требуют координации использования ресурсов всего общества, эта культура обретает потребность в *государственности как системе управления делами общественной в целом значимости на профессиональной основе*.

Деятельность государственности при преобладающей культуре мировосприятия людей невозможна без письменности, документооборота и архивов, поскольку проблематика, с которой работает государственность, требует ознакомления с одной и той же информацией разных людей, в разное время, подчас вне возможностей прямого личностного общения носителей той или иной информации, в том числе и потому, что их в жизни общества может разделять несколько поколений. Такого рода потребности в информации, необходимой для управления, в состоянии обеспечить только документирование управленческой деятельности, документооборот и архивы, сопровождающие управление.

Поэтому культура документирования, документооборота и архивного дела — одна из главных компонент управленческой субкультуры всякого общества.

Однако есть люди, которые за документооборотом не видят ни реальных проблем, ни управления их разрешением. Для них производство документов и документооборот и есть управленческая деятельность как таковая¹. Такие типы и становятся бюрократами в силу личностных особенностей их психики в случае, *если общество предоставляет им такую возможность*. Выделенная курсивом оговорка — весьма значима.

Одно из наиболее развёрнутых пояснений того, что представляет собой «бюрократия», дал К. Маркс:

«Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Её иерархия есть иерархия знания. Верхи полагаются на низшие круги во всём, что касается знания частных дел; низшие же круги доверяют верхам во всём, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение. (...) Всеобщий дух бюрократии есть *тайна*, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в её собственной среде её иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру (*обществу*) — её замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому бюрократии предательством по отношению к её тайне. *Авторитет* есть поэтому принцип её знания, и обоготворение авторитета есть её *образ мыслей*. (...) Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель², в погоню за чинами, в делание карьеры» (К. Маркс. «К критике гегелевской философии права». Сочинения его и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 1, с. 271 — 272).

Определение социологического термина «толпа» В.Г. Белинским является ключевым для понимания многих социальных явлений: «Толпа — собрание людей живущих по *преданию* и рассуждающих по *авторитету*».

Как видно из сопоставления обоих определений, определение социологического термина «толпа» В.Г. Белинским интересно тем, что оно подводит итог не только по существу во многом правильному определению «бюрократии» К. Марксом, но является и характеристикой всех без исключения внутриобщественных *иерархий личностных отношений, основанных на таинствах и на тайных знаниях*.

Все иерархии, духовные и светские, публичные и мафиозные — разновидности толпы, отказавшейся от Богом данной свободы выбора и целесообразной воли. А все участники иерархий, включая гротескных орденов, глав тайных братств и мафий, предстоятелей церквей, имамов, царей, их «серых кардиналов», *которые поддерживают иерархию личностных отношений*, — толпары, неправомерно отождествляющие должностное взаимное подчинение и порядок ответственности в структурах общественных институтов с иерархией личностного достоинства людей.

Однако определение К. Марксом социального явления «бюрократии» не полно, возможно потому, что он дал его на основе наблюдения за деятельностью более или менее управленчески дееспособной (благодаря масонской какой ни на есть идейности) бюрократии XIX века в Германии, Великобритании, Франции. Из марковского определения выпало *главное по существу* характеристическое свойство бюрократии:

¹ Одно из выражений этого обстоятельства в культуре России — слово «делопроизводство», которое вопреки своему прямому значению обозначает субкультуру ведения документооборота, подменяя дело документооборотом.

² Скорее наоборот: личные цели множества бюрократов по принципу «государство — это я» возводятся в ранг целей государственной политики, которую бюрократы делают на корпоративно-мафиозной основе, что и порождает антинародность бюрократических кланов обособившихся от остального общества режимов. Т.е. в утверждении К. Маркса: «государственная цель превращается в его личную цель», — выразилась одна из многих ошибок марксизма.

Для бюрократии документооборот, деловая переписка и обмен мнениями в устной форме (по телефону, «в кулуарах» публичных мероприятий и «келейно») представляется реальным делом, а само дело представляется чем-то производным от директив и документооборота и потому куда менее значимым, чем документооборот, который является носителем истины «в последней инстанции»³; в то время как в действительности весь документооборот и разговоры — только отображение реального дела, на управление которым претендует бюрократия как одна из профессиональных корпораций в толпо-«элитарном» обществе.

Также из него выпало и другое характеристическое качество бюрократии:

Бюрократия проводит кадровую политику (т.е. осуществляет подбор и расстановку кадров) на основе отдания предпочтения клановому происхождению претендентов на должность либо «усыновления» «безродных» претендентов, доказавших свою лояльность легитимной иерархии. **При этом подразумевается, что принцип «в связи с назначением “имярек” на должность такую-то выдать ему во временное пользование искру Божию», — работоспособен.**

Но поскольку *искра* — *Божия*, а не достояние иерархов бюрократии, то в этом принципе кадровой политики выражается очень крутой атеизм всякой бюрократии, включая и церковную, что обрекает дело всякой бюрократической корпорации на крах тем быстрее, чем более последовательна она в осуществлении этого принципа⁴.

Этот принцип кадровой политики сочетается ещё с одним, который М.Е. Салтыков-Щедрин сформулировал так: *«Не боящиеся чинов, оными награждены не будут. Боящемуся же всё дастся: и даже с мечами, хотя бы он ни разу не был в сражении противу неприятеля».*

Кроме того М.Е. Салтыков-Щедрин заметил: *«Все отечества находятся в равном положении для человека, который желает быть отмеченным вниманием начальства»*, — указав тем самым на безразличие бюрократии к судьбам её Отечества. Хотя надо отметить, что этот принцип знает исключения. Бюрократия бывает *специфически «патриотична»* в двух случаях:

- когда агрессия извне или обострение внутрисоциальной напряжённости приводит её к пониманию, что в случае поражения она лишится не только своего социального статуса, но возможно и жизни;
- когда она сама *успешно* ведёт агрессивную политику по расширению зоны своего паразитизма.

В случае *как бы патриотической* озабоченности бюрократия свой корпоративный потребительский эгоизм норовит возвести в ранг общенародных интересов и требует, чтобы всё общество им служило с готовностью к самопожертвованию, однако не желая сама поступиться чем-либо из того, что уже успела нахапать из материальных благ либо в чём успела ущемить общество в аспекте прав личности или социальных групп.

Но будучи подмножеством толпы (в смысле этого термина в определении В.Г. Белинского), бюрократия не является самостоятельным пусть и коллективным субъектом в политике. Она всегда «зомби» — либо деградирующий в повседневном паразитизме, либо — инструмент воплощения в жизнь политической воли, воздействующей на неё извне.

Для понимания интересующей нас проблематики, необходимо указать и на различие масонской иерархии и иерархии бюрократии. Хотя бюрократия — это официальная экзотерическая (публичная) иерархия личностей, отождествляющих себя с должностями, а масонство — во многом непубличная иерархия личностей, чьё достоинство обусловлено степенями посвящения, таимыми от общества в большинстве случаев, но главное различие не в этом.

Главное то, что:

- За масонством стоит какая-то есть цивилизационная идея, т.е. идея общественной в целом значимости. И кандидаты для прохождения ступеней посвящения подбираются самим масонством, *исходя из их нравственно-этического* развития под определённую идею цивилизационного строительства и перспективные политические сценарии, предназначенные для воплощения идеи в жизнь; а не только исходя из профессиональных достижений или оценки их интеллектуальной мощи и

³ Убеждённости в том, что *объективная истина* «подшита в дело и хранится в архиве», в который имеют доступ только особо доверенные бюрократы, наиболее ярко проявляется в деятельности церковных бюрократий, чьи архивы простираются в прошлое подчас на несколько тысяч лет.

⁴ В Российской империи в царствование Николая II работал именно этот атеистический принцип, который и довёл государство до краха, ввергнув общество в бедствие. Это же впоследствии привело к краху СССР, это же имеет место и в постсоветской РФ.

Если же кадровая политика в обществе строится от выявления и поддержки носителей искры Божией, то система в принципе не может стать и быть бюрократической.

потенциала их профессионального роста в той или иной сфере жизни общества, поскольку без определённой нравственности и этики люди не способны служить идее общественной в целом значимости, пусть даже идее ложной или ложно ими понятой.⁵

- Бюрократия же в принципе безыдейна в аспекте несения идей общественной в целом значимости, которые для неё являются всего лишь адресованным публике демагогическим прикрытием личностных потребительского эгоизма и жажды тщеславия каждого из всего множества бюрократов. И не бюрократия занимается поиском и отбором кандидатов, а кандидаты в бюрократы, следуя принципу «что бы ни делать, лишь бы не работать», сами находят пути к вхождению в иерархию бюрократии и далее ищут пути и способы к продвижению по её ступеням. По-русски такое поведение называется известным словом на букву «Б»...

Такова бюрократия в её сути, которая в реальной жизни сдерживается внешними по отношению к бюрократии общественными факторами, неподвластными ни бюрократии в целом (по той причине, что она не субъект), ни отдельным бюрократам. Эти факторы возбуждают в бюрократах личный страх ответственности каждого из них за проявление в деятельности своих разнородных эгоистических устремлений. Такого рода факторами являются воздействие на бюрократию масонства и иных мафий, осуществляющих в обществе определённые политические проекты; давление общественного мнения, подчас обретающее мистический характер, под воздействием которого бюрократы и их близкие начинают болеть и попадать в разного рода неприятности; не вмещающий ничему автоматизм применения законодательства *другими ветвями бюрократии, которым надо оправдать своё существование*, в отношении той ветви, к которой принадлежит боящийся бюрократ; большевизм, как явление антибюрократическое по своей сути⁶.

В случае конфликта «масонство — бюрократия» в силу названных особенностей:

- масонство обладает преимуществом в аспекте стратегии, поскольку мелочные сиюминутный эгоизм и своекорыстие не позволяют бюрократии думать о далёком будущем, а отсутствие своей политической воли не позволяет бюрократии воплощать в жизнь даже известные ей стратегические политические проекты, а не то, что разрабатывать и осуществлять свои собственные;
- бюрократия обладает преимуществом в аспекте тактики, поскольку в силу своей беспринципности *как принципа* всегда способна переступить через те морально-этические ограничения, которые налагает задача служения идее.

Сказанное выше о поведении бюрократии и бюрократов персонально — по сути означает, что главное характеристическое качество бюрократии, которое её и порождает в обществе, — безнравственность и, как следствие отсутствия нравственных стандартов и обусловленности действующих нравственных стандартов ситуацией, — принципиальная безыдейность бюрократов как жизненный принцип каждого из них.

Иными словами, бюрократия в принципе бесчестна⁷, поскольку *честь предполагает верность идее. Соответственно верить в победу над коррупцией при сохранении бюрократического характера государственной и бизнес- власти — значит самообольщаться и обманывать других, ибо неподкупность — тоже выражение чести, основанной на верности идее.*

Если говорить о политике государства, то может быть возражение в том смысле, что она невозможна без какой-либо определённой идеи или же множества борющихся друг с другом в жизни общества идей (в случае концептуально не определённого управления). Однако вопреки объективной идейной обусловленности всякой политики та или иная идейность — не свойство поколения бюрократов, и потому идейность либо вносится в её ряды извне проникающими в её ряды идейными мафиями, либо бюрократия прессируется под определённую идейность, носителем которой является политический деятель (лидер некой «команды»), которого бюрократия воспринимает в качестве своего «хозяина».

Так на Западе на протяжении большей части его истории идейность библейского проекта вносится в ряды государственной и бизнес- бюрократии масонством.

⁵ Иначе говоря, организационные принципы масонства таковы, чтобы лично благонамеренного, возможно очень доброго человека вовлечь в осуществление объективного злобного библейского проекта порабощения человечества от имени Бога так, чтобы он не имел об этом проекте и своей роли в его осуществлении адекватного представления.

⁶ Для большевизма характерно во всех случаях стремиться получить конкретный жизненно состоятельный ответ на всякий вопрос, который может быть соотнесён с жизнью, т.е. применён в реальном деле.

А для бюрократии важно быть при деле и кормиться от него, в дело не вникая и возлагая всю полноту ответственности на подчинённых специалистов-профессионалов.

⁷ См. сноску в начале раздела 10.9, в которой поясняется понятие «честь».

В так называемых «тоталитарных», «диктаторских» режимах носителем идейности является «хозяин». В Германии во времена третьего рейха бюрократия в качестве «хозяина» признавала Гитлера; в СССР — И.В. Сталина, которого в своём кругу бюрократы так и называли — «Хозяин». В условиях внешне видимого «тоталитаризма» и «диктатуры» может протекать конфликт по поводу существа идейности между проникающим в ряды бюрократии масонством и «командой хозяина».

В истории обществ могут быть периоды, когда за монопольный идейный диктат в отношении безыдейной в принципе бюрократии могут бороться различные социальные группы — носители той или иной идейности: таким был период в истории СССР, когда группа марксистов-масонов во главе с Л.Д. Бронштейном (Троцким) и группа большевиков, чуждых по их идеалам умолчанию марксизма, во главе с И.В. Сталиным боролись в СССР за монопольный идейный диктат в отношении порождающей саму себя бюрократии⁸.

Но бюрократия может стать в обществе и более, чем мафиозно организованной профессиональной корпорацией претендентов на полноту внутрисоциальной власти над обществом. Некогда В.И. Ленин дал определение общественного класса:

«Большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которыми они располагают. Классы это такие группы людей, из которых одна может присвоить себе труд⁹ другой благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства» (Ленин В.И., Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 39, с. 15).

Если соотноситься с этим определением, то остаётся сделать вывод, что в СССР к началу 1980-х гг. партийно-государственная и хозяйственная бюрократия стала общественным классом, что качественно отличало её от бюрократии капиталистических государств, представители которой были представителями своих классов в этой *властной (прежде всего над государственным аппаратом) корпорации*:

- место советской бюрократии в системе общественного производства — сфера управления;
- отношение к средствам производства — бюрократия СССР, «элитаризуясь», стала воспроизводить саму себя на клановой основе вследствие чего *при попустительстве остального общества* обрела монополизм и бесконтрольность с его стороны за её управленческой деятельностью;
- что касается получения своей доли общественного богатства, то бюрократия сама определяла тарифную сетку зарплаты, структуру бесплатных льгот и гособеспечения прежде всего для высших иерархов бюрократии, а потом уж — по остаточному принципу — для остального общества.

Характер последнего к началу 1980-х гг. стал таким, что бюрократия превратилась в класс эксплуататорский по отношению к остальным социальным группам советского общества. Однако поскольку государственной идеей СССР было построение *социализма и коммунизма — социальных систем, в которых не должно быть эксплуатации людей теми или иными корпорациями и «крутыми» одиночками*, — то бюрократия в СССР испытывала некоторый дискомфорт:

- с одной стороны, для того, чтобы удерживать власть в своих руках, ей приходилось лгать о строительстве социализма и коммунизма в СССР, какие лозунги находили отклик в народе, который во всякую эпоху в своём большинстве желает жить без паразитизма тех или иных меньшинств на его труде и жизни;
- а с другой стороны, всякий успех в деле социалистического строительства подрывал устои бюрократического режима и мешал бюрократии «хапать по способности», своекорыстно эксплуатируя труд и жизнь остального общества.

В этом «раздрае» между словом и делом было главное противоречие конца советской эпохи к тому времени, когда бюрократию номинально возглавил М.С. Горбачёв. Противоречие это могло быть тогда же разрешено:

- либо путём запуска процесса дебюрократизации СССР и его развития при сохранении всех достижений социализма и освобождении его от бюрократических извращений и ошибок в миропонимании и политике, обусловленных почти что тотальным господством марксизма;
- либо путём разрушения СССР с целью улучшения условий эксплуатации большинства населения паразитическими меньшинствами — внутренними, зарубежными, международными.

⁸ Об этом периоде более обстоятельно см. в работе ВП СССР «Иудин грех XX съезда» (аналитическая записка из серии «О текущем моменте», № 2 (50), 2006 г.).

⁹ Было бы точнее сказать: присваивает себе продукт чужого труда.

Бюрократия предпочла второе, чем наиболее ярко доказала, что она является одной из культурологических скреп, обеспечивающих воспроизводство толпо-«элитаризма» в преемственности поколений.

Следует знать, что средство от возможной бюрократизации Советской власти было известно ещё до Великой октябрьской социалистической революции. Обратимся к книге В.И. Ленина «Государство и революция», написанной им совместно с Г.Е. Зиновьевым (Апфельбаумом) в Разливе¹⁰ летом 1917 г., изучение которой входило в СССР во все курсы истории КПСС, марксистско-ленинской философии и научного коммунизма. Т.е. М.С. Горбачёв и другие партийные бюрократы не могли не знать приводимого ниже мнения В.И. Ленина о бюрократии:

«... на примере Коммуны¹¹ Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть “бюрократами”, быть “чиновниками”, перестают по мере введения, кроме выборности, ещё и сменяемости в любое время, да ещё СВЕДЕНИЯ ПЛАТЫ К СРЕДНЕМУ РАБОЧЕМУ УРОВНЮ, да ещё замены парламентских учреждений работающими¹², т.е. издающими законы и проводящими их в жизнь. (...) Маркс ... увидел в практических мерах Коммуны ТОТ ПЕРЕЛОМ, КОТОРОГО БОЯТСЯ И НЕ ХОТЯТ ПРИЗНАТЬ ОППОРТУНИСТЫ ИЗ-ЗА ТРУСОСТИ, ИЗ-ЗА НЕЖЕЛАНИЯ БЕСПОВОРОТНО ПОРВАТЬ С БУРЖУАЗИЕЙ...» (текст выделен нами при цитировании: он упреждающе характеризует партийно-государственную и хозяйственную бюрократию СССР как изменников делу строительства социализма и коммунизма и приверженцев толпо-«элитаризма»).

В 1980-е гг. цитирование этого фрагмента из работы создателя Советского государства повергало в молчаливое уныние руководителя любого семинара в системе политучёбы, поскольку:

- цитата обличала весь режим как антинародную паразитическую систему, действующую повсеместно посредством «пешек», в нравственно-этическом отношении аналогичных самому руководителю семинара,
- для него доказывать, что В.И. Ленин ошибся в этом вопросе и не прав, — было равносильно тому, чтобы самому становиться под бой, в том числе и в случае, если предпринять «наезд» на политического активиста, публично приводящего «не ту» цитату.

Кроме того на втором этапе борьбы с активистом предстояло нарваться на возражение Ф. Энгельса. В псевдосоциалистическом толпо-«элитаризме» оправдание «элитаризации» сферы управления, в которой и возникает бюрократия, восходит к словам одного из социалистов XIX века Е. Дюринга:

«...наряду с удовлетворением требований справедливости будет иметь место ещё добровольное выражение особой признательности и почёта¹³ (...) Общество делает самому себе честь, когда отмечает высшие виды деятельности, представляя им умеренную добавку для нужд потребления» (приводится по выдержке в книге: Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг»).

В ответ Ф. Энгельс попросту съязвил:

«И г-н Дюринг тоже делает самому себе честь, когда, соединяя невинность голубя с мудростью змия, так трогательно заботится об умеренном добавочном потреблении для Дюрингов будущего» (Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг»).

В.И. Ленин в «Государстве и революции» подтвердил точку зрения Ф. Энгельса, выдвинув требование установить зарплату чиновникам на уровне средней зарплаты рабочих. Об этих взглядах Ф. Энгельса и В.И. Ленина одинаково (почему?) забывают как их хулители, так и «последователи».

В действительности занятые «высшими видами» деятельности, делают честь себе и благо обществу, когда «высшие виды» деятельности осуществляются без САМОВОСХВАЛЕНИЯ и предоставления себе от имени общества «умеренной» добавки для нужд потребления по монополю высокими «элитарным» стандартам качества: именно этой цели в первое десятилетие Советской власти и служил партмаксимум, ограничивающий доходы партийцев, занятых в сфере управления и в иных престижных вследствие высокой оплаты отраслях деятельности.

¹⁰ Разлив — Сестрорецкий Разлив — искусственное водохранилище, озеро, образовавшееся за плотиной Сестрорецкого завода, построенного во времена Петра I неподалёку от Петербурга на северном берегу Финского залива. На берегу этого озера под видом финского рабочего-косаря в шалаше с 9 июля по 8 августа (григорианского календаря) 1917 г. скрывался В.И. Ленин, после чего он был конспиративно переправлен в Финляндию на паровозе под видом кочегара. В Финляндии В.И. Ленин находился до начала октября 1917 г., после чего до победы октябрьского переворота 7 ноября жил в Петрограде на конспиративном положении.

¹¹ Парижской Коммуны, 1871 г. (наше пояснение при цитировании).

¹² Парламент — от французского «parler» — говорить, т.е. парламент — говорильня, исторически реально в большинстве случаев — пустая и потому антинародная (наше пояснение при цитировании).

¹³ Это означает — «добровольное» признание несправедливости, царящей в обществе в обход контроля сознания его членов: — наше замечание при цитировании.

Иначе занятые «высшими» видами деятельности творят бесчестье и развращение обществу прежде всего, а потом уж себе — бесчестье, дачу, машину и т.п., доходя до разврата, сладострастного извращения сущности человека и в «элите», и в простонародной «толпе».

О том же говорил Иисус: *«Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и мамоне (богатству)»* (Матфей, 24:6).

О том же в Коране: *«Последуйте за тем, кто не просит у вас награды и кто на прямом пути»* (сура 36:21).

Если же говорить о возможности осуществления в политической жизни общества написанного В.И. Лениным о дебиюкратизации власти, обратим внимание на то, что *практические меры* Париж Парижской коммуны *первичны по отношению к описанию их* классиками марксизма. И они по сути своей не бредовы:

С точки зрения достаточно общей теории управления Парижская Коммуна низведением зарплаты управленцев к среднему в отраслях «реального сектора» уровню, пыталась замкнуть обратные связи общественного управления на трудящееся большинство, переключив их с замыкания на высокодоходные группы «элит»: как национальной, так и наднациональной трансрегиональной.

Коммуна рухнула, поскольку те, кто был согласен исполнять управленческие обязанности на предлагаемых ею условиях, не обладали необходимой управленческой квалификацией; а обладавшие необходимой управленческой квалификацией, были преисполнены «элитарных» амбиций, видели в парижских рабочих разнуздавшуюся чернь — быдло, которое необходимо было побыстрее загнать обратно в их конуры. То есть они оказались **НРАВСТВЕННО НЕ ГОТОВЫ К ТОМУ**, чтобы управлять обществом, исходя из жизненных интересов большинства, и жить при этом так, чтобы слой профессиональных управленцев не выделялся из остального общества своим превосходством по количеству и качеству потребляемой продукции.

Хотя СССР просуществовал гораздо дольше Парижской Коммуны (69 лет¹⁴ и 73 дня — соответственно), причины краха СССР — те же самые: М.С. Горбачёву и возглавляемой им бюрократии *нравственные принципы и этика равенства человеческого достоинства, выражающиеся в коллективном труде и потреблении людьми коллективно произведённого ими*, были неприемлемы; их паразитическая нравственность и *этика вседозволенности и «потреблятельства»* определили курс и цели перестройки, даже если они были идиотами, не понимавшими, что они творят.

И бюрократия действительно — одна из культурологических скреп воспроизводства толпо-«элитаризма» в преемственности поколений.

В толпо-«элитарном» обществе бюрократия непрестанно возрождается и воспроизводит саму себя в преемственности поколений, поэтому окончательная победа над ней требует *не только* подавления бюрократии и бюрократов персонально, но прежде всего — подавления и искоренения общественных — *культурологических* — факторов, воспроизводящих бюрократию в преемственности поколений и возрождающих её после социальных катастроф, в которые бюрократия же и ввергает общество систематически.

¹⁴ С 30 декабря 1922 г. по конец декабря 1991 г., когда М.С. Горбачёв «отрёкся» от должности п-РЕЗИДЕНТА СССР.